

М. С. Уланов

доктор философских наук, профессор
Калмыцкого государственного университета

БУДДИЙСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ОЙРАТ- МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Ойрат-монгольские и калмыцко-монгольские связи в области буддизма имеют многовековую историю. Начало этих связей, вероятно, восходит к эпохе Чингисхана. Войдя в состав России, ойрат-калмыки не утратили свою религию. Но затруднительность связи с Монголией и Тибетом имела своим результатом постепенное ослабление контактов с буддийскими центрами Центральной Азии. После 1771 г. позиции буддизма в Калмыкии ослабли, так как вместе с ушедшими калмыками откочевало большинство служителей хурулов и лам. Религиозные связи с Монголией и Тибетом почти прекратились. В начале XX в. в России происходит процесс либерализации религиозной политики. Почти все ходатайства калмыцкого духовенства удовлетворялись правительством полностью. Воспользовавшись либерализацией религиозной политики в России, калмыцкие буддисты активизировали контакты с другими буддийскими регионами: Бурятией, Монголией и Тибетом. После разгрома буддийской церкви в Калмыкии калмыцко-монгольские религиозные связи в силу объективных причин почти прекратились. Однако калмыцкая эмиграция в США поддерживала взаимоотношения с некоторыми монгольскими ламами. В последние годы духовные связи между народами Калмыкии и Монголии вновь возрождаются и имеют хорошие перспективы.

Ключевые слова: буддизм, калмыцко-монгольские религиозные связи, калмыцкая эмиграция.

Ойрат-монгольские и калмыцко-монгольские связи в области буддизма имеют многовековую историю. Начало этих связей, вероятно, восходит к эпохе Чингисхана. Ойраты, были в первую очередь включены в военно-феодалную импе-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (тема №804: «Буддизм в транскультурном пространстве Юга России»).

рию Чингисхана. Как свидетельствует тибетский источник XIV в. (Красная книга) в 1226 г. Чингисхан встречался с проповедником Цепа Кагью Зангпа Дунгпурбой и был направлен для распространения буддизма к ойратам¹. Подобный факт свидетельствует о том, что ойраты к тому времени уже были знакомы с тибетским буддизмом, в особенности с подшколами традиции Кагью.

В дальнейшем ойраты вошли в состав державы Угедея. При дворе Угедея вел активную проповедническую деятельность монах Хай-Юнь. Сам Угедей всячески способствовал распространению буддизма в империи. Последующему распространению буддизма среди монголов и ойратов способствовали также Годан и Мунке-хан. Особенно в этом отличился Годан, сын Угедея. Годан был близок со знаменитым иерархом тибетской школы Сакья Пандитой. При его дворе строились буддийские монастыри. При Мунке-хане придворным ламой стал Карма-бакши глава школы Карма-Кагью².

Во времена хана Хубилая, когда в Монголию прибыл великий мастер традиции Сакья Пагпа-лама. Хубилай даровал ему титул «Царя веры в трех странах», а буддизм Сакья был объявлен государственной религией. Однако при дворе Хубилая действовали также Дрикунг Кагью и Цепа Кагью³. Вероятно, в этот период к ойратам проникла и школа Сакья.

Вопрос о форме вероучения, то есть о том, какие буддийские школы были представлены в Монголии, остается в настоящее время спорным: при приоритетном положении школы Сакья возможно было влияние и других школ. Так, по мнению, Б. У. Китинова, ойраты в данную эпоху поддерживали традицию Дрикунг Кагью. «Контакт Дрикунг с ойратами, пишет исследователь, по своей направленности прежде всего должен был быть антимонгольским... Ойраты и вер-

¹ Китинов Б. Религиозные традиции калмыков в истории буддизма у калмыков // Геше Вангъял. Драгоценная лестница. Элиста, 1994. С. 196–197.

² Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 1995. С. 18.

³ Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 1995. С. 18.

хушка Дрикунга были заинтересованы в ослаблении династии Юань, их общего противника»¹.

В середине XIV в., с падением в Китае монгольской династии Юань, влияние буддизма в Монголии, поддерживавшегося в основном знатью, ослабело. Однако буддизм у ойратов не исчез. Минская династия, поддерживавшая Карма-Кагью, стремилась к союзу с ойратами против маньчжурской угрозы. Для установления дружеских отношений они снабжали ойратов буддийской литературой на тибетском и монгольском языках, посылая проповедников. Интересно, что почти все минские материалы, касающиеся буддизма у монгольских народов, относятся лишь к ойратам².

Новая волна буддизма пришла в Монголию в конце XVI в. благодаря усилиям Далай-ламы III. Главной формой распространявшегося среди монголов тибетского буддизма стала теперь «желтошапочная» традиция Гелуг, возникшая в XV в. Ее основатель Цзонкава выступал за восстановление древних традиций индийского буддизма. Особое внимание он уделял монашеской дисциплине и буддийской философии. Важнейшую роль в распространении Гелук в Монголии сыграли три выдающихся просветителя: хошутский Зая-пандита, торгоутский Нейджи-тоин и монгольский Джебзун-дамба-хутухта, из которых два первых были ойратами.

В советской историографии отмечалось, что первые контакты с «желтошапочным» буддизмом состоялись в начале XVII в. Однако ряд фактов свидетельствует о более раннем знакомстве ойратов с Гелук. Так в частности проповедническая деятельность Нейджи-тоина (1557–1653) известна нам еще плохо. В тоже время, по утверждению некоторых ученых (Э. П. Бакаева), именно он занял решающую позицию в деле распространения школы Гелук среди ойратов. Нейджи-тоин в ойрат-калмыцких источниках фигурирует под разными именами. Его называют Очир-Дара, Майдари-хутухта, Цаган

¹ Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М., 2004. С. 79.

² Китинов Б. Религиозные традиции калмыков в истории буддизма у калмыков. С. 200.

Номин-хан и т. д. Согласно же биографии Нейджи-тоина, его светское имя было Абида¹.

Свое образование Нейджи-тоин получил в знаменитом монастыре Таши-лунпо, который являлся резиденцией Пачен-ламы, второго по значимости духовного лидера Тибета. Завершив обучение, он посетил маньчжурского правителя Тайдзуна, а затем отправился в Монголию. Здесь он приобрел большую славу и уважение благодаря активной проповеднической деятельности. В начале XVII в. Нейджи-тоин прибывает к ойратам, где также распространяет «желтошапочный» буддизм². Вполне вероятно, что некоторые ойраты учились у него, когда он еще находился в Халхе. Он также способствовал тому, что в духовный сан были посвящены сыновья нескольких ойратских тайшей.

В итоге, более тридцати молодых представителей княжеского рода и около двухсот сыновей простолюдинов, были отправлены для обучения в Тибет. По прошествии двух десятков лет обучения в различных монастырях Тибета они вернулись в Джунгарию, Кукунор и на Волгу. Это не только изменило социальную структуру ойратского общества, но и привело к тому, что появилась духовная элита общества³.

Величайшим достижением Зая-Пандиты было создание в 1648 г. ойратской письменности «тодо бичиг». Зая-Пандита встречал немало затруднений во время исполнения проповедей и молитв, наставлений и толкований священных книг, которые были в основном на тибетском языке. Имевшиеся переводы были мало понятны массам. Поэтому Зая-Пандита вынужден был реформировать общемонгольскую письменность, максимально приблизив ее к живому калмыцкому языку. Его попытка создания такого алфавита увенчалась успехом. Совместно со своими учениками он перевел с тибетского на ойратский более 170 буддийских сочинений, из которых до нас дошло только 47. По мнению Позднеева, сохранившиеся ойратские переводы буддийской литературы, «не-

¹ Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Элиста, 1994. С. 13.

² Там же. С.13–14.

³ Бичеев Б.А. Дети Неба – Синие Волки. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков. Элиста, 2005. С. 76.

сравненно правильное, толковее и вообще выше таких же переводов на язык монгольский»¹.

Кроме того, что создание национальной письменности было важным политическим шагом в деле объединения ойрат, оно имело и практическое значение как в деле просвещения, так и в деле религиозной проповеди: способствовали скорейшему утверждению мировой религии среди ойратов. Составленные им переводы с тибетского языка на калмыцкий (ойратский), становясь доступным для каждого, послужили основой для просвещения народа и сознательным проводником к пониманию и усвоению основ буддизма, а также положили начало самостоятельности ойратско-калмыцкой литературы. Благодаря великому подвигу Зая Пандиты, письменность быстро распространилась среди ойрат-калмыков, и умственное образование их в гражданском быту далеко продвинулось вперед. Осуществляя активную переводческую деятельность, формируя основу национальной литературной традиции, Зая-Пандита выдвинул буддизм в качестве одного из основных культурообразующих факторов, закладывая основу ойрат-калмыцкой культуры.

В отечественной историографии имеется две точки зрения на проблему предназначения «ясного письма». По мнению С. А. Козина, Зая-Пандита стремился сделать свою письменность «всемонгольской», а Б. Я. Владимирцов считал, что автор великий просветитель создал общий ойратский литературный язык на почве ойратских говоров. Но оба известных монголиста признавали, что реформа письма, предпринятая Зая-Пандитой, была успешной и необходимой для общества. Письменность «тодо бичиг» используются до настоящего времени калмыками, проживающими в провинции Синьцзян на территории КНР.

В 1640 г. состоялся общемонгольский сейм князей и духовенства. Политическое значение объединенного мероприятия было огромным: съезд принял единый свод законов «Великое Степное Уложение». Зая-Пандита участвовал в его разработке и принятии. Отдельные статьи свода по существу

¹ Позднеев А.М. Калмыцкое вероучение // Энциклопедический словарь. Т.14.-СПб., 1895.С.72.

объявляли буддизм государственной религией, общей для ойратов и монголов.

Кроме миссионерских целей, Зая-Пандита, как уполномоченный Далай-ламы, выполнял и другие задачи, определенную политическую миссию и обязанности. В его время усилилась феодальная междоусобица, шла упорная борьба между центральной властью и удельными князьями и нойонами, как в самой Монголии, так и в Джунгарии. Зая-Пандита не был безучастным наблюдателем происходивших на его глазах событий. Он несколько раз примирял монгольских и ойратских князей, он же сумел предотвратить кровопролитие, которое могло бы произойти в результате вражды джунгарских и кукунорских правителей.

Войдя в состав России ойрат-калмыки не утратили свою религию. Но затруднительность связи с Монголией и Тибетом, имела своим результатом постепенное ослабление контактов с буддийскими центрами Центральной Азии. Поездки в Монголию и Тибет становились все более редкими. Поэтому организация буддийской церкви в Калмыкии приобрела ряд особенностей, отличавших Калмыкию от Монголии и Тибета. Так, например, среди калмыков не получил широкого распространения институт хубилганов, популярный в Монголии и Тибете. Кроме того, общая численность монастырей и монахов у калмыков была относительно меньшей, чем у монголов и тибетцев. В результате общее влияние церкви на жизнь калмыцкого общества не было столь исключительным, как в других странах. Были также и другие отличия.¹

После 1771 г. позиции буддизма в Калмыкии ослабли, так как вместе с ушедшими калмыками откочевало большинство служителей хурулов и лам. Религиозные связи с Монголией и Тибетом почти прекратились. Вновь стали возрождаться шаманские культы и традиции. Это, а также мероприятия российского правительства способствовали изменению обрядности. По мнению А. М. Позднеева, обрядовая сторона буддизма у калмыков была выражена значительно сильнее, чем у монголов, которые из-за недостатка гелонгов очень редко отправляли у себя обряды. Калмыки же, пишет Позднеев, почти по любому поводу обращаются к ламам. Молитвы

¹ Подр. см.: *Бакаева Э.П.* Указ. соч. С.44–45.

по частным просьбам у них значительно популярнее коллективных служб. В результате у калмыков существуют обряды, которые неизвестны в других буддийских регионах.¹

Уже с самого начала XIX в. правительство стало принимать меры по сокращению штатов священнослужителей с целью ограничения влияния духовенства на народ. Тем не менее, как известно, миссионерская политика, направленная на христианизацию калмыцкого населения, не имела особых успехов. Большинство калмыков продолжали оставаться буддистами.²

В начале XX в. в России происходит процесс либерализации религиозной политики. В почти все ходатайства калмыцкого духовенства удовлетворялись правительством полностью. На это изменение курса правительства по отношению к религиозным делам калмыков, а также и других инородцев повлияла, по-видимому, первая русская буржуазно-демократическая революция, ибо, именно в это время царизм нашел время заняться религиозными делами.

Воспользовавшись либерализацией религиозной политики России, калмыцкие буддисты активизируют контакты с другими буддийскими регионами: Бурятией, Монголией и Тибетом. Это дало новый импульс буддизму в Калмыкии. Неоднократно ставились вопросы о расширении системы хуральных школ, о преподавании основ буддизма в светских школах. Восстанавливались традиции получения образования в монастырях Монголии и Тибета, традиции паломничества. Огромную роль в возрождении буддизма сыграл бурятский лама Агван Дорджиев, который являлся представителем тибетского правительства в России.

Возникает обновленческое движение, направленное на очищение буддизма от несвойственных ему элементов: грубых суеверий, невежества, корыстолюбия, стяжательства и т.д. Обновленцы стремились повысить образовательный уровень лам, возродить нравственную чистоту раннего буддизма,

¹ Позднеев А.М. Калмыцкое вероучение // Энциклопедический словарь. Т. 14. СПб., 1895. С.74.

² Очирова Н.Г. Буддийское духовенство и развитие калмыцкой культуры // Буддийское духовенство и культура Калмыцкого народа. Элиста, 2004. С. 8.

донести буддийское учение до простого народа¹. Известным представителем обновленческого движения был Бован Бадма, автор поэмы «Услаждение слуха».

Истоки обновленческого движения в Калмыкии следует искать в монгольском обновленчестве. В Монголии оно зародилось в первой половине XIX в. в среде образованного ламства. Сторонники этого движения предлагали открыть светские школы, в которых преподавание велось бы на родном языке, и требовали перевода религиозных сочинений на монгольский язык. Вторая вспышка призывов к обновленчеству в Монголии возникла в конце XIX в. связи с необходимостью консолидации политических, интеллектуальных, моральных сил нации перед лицом маньчжурского гнета. Очистившись и «обновившись», ламство, по мнению идеологов обновленчества, могло стать той силой, которая бы спасла Монголию и ее народ от полной физической и моральной деградации в условиях маньчжурского господства².

После разгрома буддийской церкви в Калмыкии калмыцко-монгольские религиозные связи в силу объективных причин почти прекратились. Однако калмыцкая эмиграция в США поддерживала взаимоотношения с некоторыми монгольскими ламами, в частности с ламой Гомбоджабом. По своему происхождению он родом из Внутренней Монголии. Лама долго учился в Тибет, затем в годы Культурной революции был вынужден эмигрировать в Индию. В конечном итоге в силу своих связей с калмыцким ламой геше Вангьялом он обосновался в Америке. Лама Гомбоджаб был монахом в буддийском сообществе Филадельфии, где компактно проживали калмыки. Он был очень близким другом семьи нынешнего Главы буддистов Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче. Именно он познакомил будущего Шаджин-ламу Калмыкии с основами буддизма и научил его читать и писать по-тибетски. После того, как Тэло Тулку Ринпоче в семилетнем возрасте уехал учиться в тибетский монастырь в Индии, они всегда поддер-

¹ См. подр.: *Оглаев Ю.О.* Обновленческое движение калмыцкого духовенства в Калмыкии в 20–30-х годах // *Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма.* Элиста, 1980. С. 71–93.

² *Абаева Л.Л., Жуковская Н.Л.* Традиция и модернизация в истории буддизма // *Ежегодник. Религии мира.* М., 1983. С.134.

живали связь через его родителей, и когда Ринпоче приезжал в Америку, то всегда встречался со своим Учителем¹.

Возобновление широких религиозных контактов между двумя народами началось только на рубеже 1980–1990-х гг. и было связано с процессом перестройки в СССР, началом демократизации общественной жизни. Возрождению буддизма в Калмыкии в этот период во многом способствовала поддержка буддистов из других регионов, в частности Монголии, где обучались некоторые калмыцкие священнослужители.

Важную роль в возрождении калмыцкого буддизма сыграл духовный лидер монгольских народов Его Святейшество Богдо-геген IX, который много раз бывал в Калмыкии. Во время своих посещений Богдо-геген ездил по районам, читал проповеди, давал благословения. В октябре 2003 г. Его Святейшество Богдо-геген провел в Калмыкии грандиозную церемонию посвящения в Калачакру, которая является одной из важнейших тантр эзотерического буддизма. Она тесно связана с астрологией и учением о мистической стране Шамбале. В церемонии посвящения приняло участие более 10 тысяч верующих.

Восстановлению калмыцко-монгольских религиозных связей способствовали и поездки Шаджин-ламы Калмыкии в Монголию. Визиты Тэло Тулку Ринпоче в Монголию проходят как визит перерожденца великого Ламы Дилова-хутухту из монгольского монастыря Наропанчен. В ходе своей последней поездки в августе 2007 г. Шаджин-ламы Калмыкии встретился с Президентом страны Намбарын Энхбаяр и Хамбо-ламой Монголии Чойчамц Дэмбэрэлом. Интересно, что Верховные Ламы двух буддийских регионов знают друг друга еще с начала 1980-х гг., когда Тэло Тулку Ринпоче и Чойчамц Дэмбэрэл обучались в тибетских монастырях Индии².

В ходе последних переговоров Чойчамц Дэмбэрэл заметил, что чувствует необходимость в участии Тэло Ринпоче в развитии буддизма в Монголии. В ответ Шаджин-лама сказал, следующее: «С начала 90-х годов я был крайне занят ра-

¹ Верховный лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче об итогах поездки в Бурятию, Монголию и Туву // URL: savetibet.ru/2007/07/11/telo_tulku_about_buryatia_mongolia_and_tuva.html

² Там же.

ботой в Калмыкии, и на поездки в Монголию мне просто не хватало времени. Но после моего прошлого посещения Монголии я осознал, что упустил слишком много времени. Мне нужно было приезжать чаще, и именно так я планирую поступать в будущем. Но, естественно, только в том случае, если мой персонал в Калмыкии выйдет на качественно новый уровень и возложит на себя больше ответственности за развитие буддизма в Калмыкии. В этом случае у меня появится больше времени для работы в Монголии и на международном уровне в целом»¹.

Таким образом, духовные связи между народами Калмыками и Монголии в последние годы вновь возрождаются и имеют хорошие перспективы.

¹ Там же.